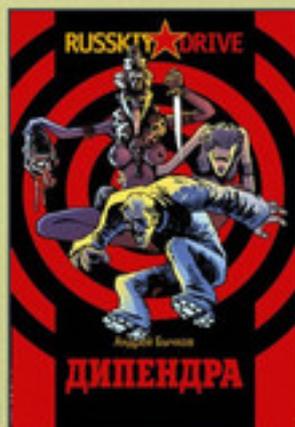

Андрей Бычков

Тапирчик

*Часть сборника
Дипендра (сборник)*

Андрей Бычков

Тапирчик

«Автор»

Бычков А.

Тапирчик / А. Бычков — «Автор»,

ISBN 978-5-457-12038-9

«А те-то были не дураки и знали, что если расскажут, как они летают, то им крышка. Потому как никто никому никогда не должен рассказывать своих снов. И они, хоть и пьяны были в дым, эти профессора, а все равно защита у них работала. А иначе как они могли бы стать профессорами-то без защиты?».

ISBN 978-5-457-12038-9

© Бычков А.
© Автор

Андрей Бычков Тапирчик

А то собрались три профессора – физики, психологии и киноискусства – и нарезались коньяка. И профессор киноискусства и говорит:

– А что, дружбанчики, летаете ли вы во сне?

Ну те и отвечают – да, мол, бывает иногда.

А тот:

– А как вы, хрюшечки мои, летаете?

А те-то были не дураки и знали, что если расскажут, как они летают, то им крышка. Потому как никто никому никогда не должен рассказывать своих снов. И они, хоть и пьяны были в дым, эти профессора, а все равно защита у них работала. А иначе как они могли бы стать профессорами-то без защиты?

А этому черту от киноискусства как раз накануне вот какой сон приснился. Что будто бы он – в старой своей школе, в актовом зале.

И на сцене ученики перед государственной комиссией показывают отрывки из спектаклей, индивидуально или группами, по желанию, а государственная комиссия выдает им за это билеты в жизнь. И вот доходит очередь до него, до киноискусствоведчика. И тогда он разбегается по сцене слева направо и летит, а потом опять разбегается, теперь справа налево, и опять летит. А государственная комиссия замирает от восторга и от удивления. И в зале все сидят, дыхание затаив, глазам своим не верят. А одна женщина, потрясающей красоты, встает вдруг, и у нее слезы восторга на глазах, алмазы восторга, и они медленно-медленно катятся и сияют, а она, женщина эта, шлет ему, киноведчику, воздушные поцелуи в высоту. И вот он садится, приземляется, значитца, на сцену, и государственная комиссия вручает ему торжественно большой-большой билет такой, даже не билет, а билетике – в прекрасную и полнуюводную культурную жизнь.

А ему вдруг писать захотелось. Они ему руки жмут, поздравляют, слова сердечные искренне говорят, сердечные такие, от всего сердца, что сразу видно, слышно то есть, а видно, в смысле по лицам их видно, что не ложь, а правда, а ему не терпится. И вот он вырвался наконец, руки, тело вырвал, выбежал на двор, заскочил скорее в какую-то дощатую будку, снял там скорее штаны, выхватил скорее рукой, а это не пиписка, а какая-то странная пластмассовая игрушка – животное какое-то странное с голубыми глазами и с длинным носом. Он чуть не поседел от ентого кошмара, от такой фантастичности. Смотрит на нее, глазам своим не верит. А игрушка-то вдруг треснула и потекла. Вот он, в ужасе, стоит, задрожал мелко дрожью такой чернявенькой, как волоски (бывают у некоторых на теле), и не знает, что делать. Поднял голову, как почувствовал что из глубины своего существа, а в окно на него та женщина смотрит, потрясающей красоты, и у нее щека дергается и рот никак закрыться не может, и нет никаких слез-алмазов, а только зубные коронки блестят, что же ты, мол, сука... И он, профессор киноискусства, оглянулся в надежде на помощь, что это все сон, сон, сон, и только сон, а ан нет, досок-то будки занозистых и вправду нету, а усе же енто снова сцена, сцена, сцена, дорогой мой профессоришка, и государственная комиссия смотрит на тебя, и зал от отвращения дрожит.

Вот такой сон приснился ему. Ну бывает, ну ничего не поделаешь. У него, у профессора киноискусства, и расстройств психических вроде нет никаких, и со здоровьем все нормально, а тут вдруг приснилось, вот такая штуковина приснилась.

И вот он здоровый такой, румяный-румяный, гляцевый аж, как елочный шар, с блестящей такой мордой от коньяка, он, известный профессор киноискусства, спрашивает их, тех двух других профессоров, спрашивает их как ни в чем не бывало, летают ли они во сне, а

сам думает: «Эх, ведь не расскажут же, гады, что им на самом-то деле снится. А жаль, жаль, было бы интересно всем вместе обсудить».

Хотя чего тут интересного-то? Его же сон насквозь ясен. И он сам через свой сон тоже ясен насквозь, как через закопченное стекло, ну лизал жопу на кафедре киноведения, как вчера, так и в новые, постсовковые времена, ну высидел себе золотое яйцо, большущее-разбольшущее, эх ма, такое себе яйцо в жизнь высидел, что... да сказал бы я ему, в лицо глянце-вое сказал бы, в глаза, чтобы оно, лицо, треснуло от негодования («Да какое он имеет право?! Авангардист чертов! Да я всегда с этими коммуняками боролся за свободу слова!»). Ладно, ладно, знаю я тебя, читай дальше.

А физик ентот, короче, усатый-полосатый, как енот, крутит-крутит ус свой и думает, как бы так выкрутиться от вопроса от киноведческого и наврать что-нибудь этакое, как он летает, как он классно мчится на спине над гладью вод, мчится вправо, мчится влево и отстреливается, если что, если его кто догоняет, отстреливается ракетами из-под рук, из волосатых своих из подмышек синими такими ракетами, газовыми, пузырящимися, и всех вокруг взрывает огненно и топит, тоннами воды накрывая, той воды, что от взрыва взмывается вверх, в столб, на высоту в километр, а сам дальше, дальше летит, как «на газ» нажимая, когда мчишься на дачу по загородному шоссе. И он, физик ентот усатый-полосатый, уже перестал ус свой крутить и открыл рот, чтобы начать врать, начать лгать, начать драть, пороть там разную чепуховину, тюльку, короче, гнать, как тут вдруг раздался звонок в дверь.

А они сидели, коньяком этим нарежаясь, в квартире психолога, в его комнате, на коврах, на таких на мохеровых коврах, пушистых-пушистых, меховых почти, с тонкими волосинками мохера, может быть лисьего, а может быть и не лисьего, черт его знает, что там за мохер был, ну, короче, не в этом дело. И вот, значитца, звонок вбуравливается к ним, в их тонкий профессорский слух.

– Ах, это же Жадочка, Жадочка моя, – закрыл лицо психолог, разволновавшись. – Это же моя Жадюсенька. Ах, что я наделал, что я наделал!

И он стал раскачиваться на ковре, и плечи его стали вздергиваться, как от рыданий, но он не рыдал, а только вздергивал их, сидел так, закрыв лицо, и вздергивал.

Ну физик – умница – тогда закричал:

– Прячь скорее бутылки! Это его жена! Я ее знаю, она его бьет, за пьянство бьет Жадочка эта, лупит всем, что под руку подвернется, может стулом врезать, может вешалкой. У-у, Жадка эта, я ее знаю, белая такая, с узкой мордой, а глаза красные.

– Как бультерьер? – в ужасе спросил киновед.

– Да! Да! Как бультерьер! – вскричал физический профессор. – Вот именно, как бультерьер!

– Н-но, н-но, я бы попросил... – начал было психологический.

А они уже не слышали его, вскочили и стали бутылки прятать, зарывать их в мохер, закапывать, чтобы не видно было, ну и закопали, прикрыли вещами там разными личными того, ентото профессора психологии, ну трусами там, ну майками, ну еще носками, да, да, носками, вонючими этими турецкими носками, где хлопка-то всего двадцать процентов, а пишут, что восемьдесят. А тот-то сам, психолог ентот лысый с малиновыми ушами, торчащими, как у Гурвинека, мля, все сидит и сидит и только шепчет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.